

Цю Ибо застыл, уставившись на вышитый узор из сосен и луны на пологие кровати, не в силах сразу понять, где он находится. Внезапно он резко поднялся с постели – вот почему всё звучало так знакомо! «Убэйчжай» – это же школа того самого мастера, который создал для Осётрого Цю тот роскошный и изысканный именной меч!

Да-да, именно того самого, чьи корни и кости были не ахти, но за которого вся школа и даже великие мастера готовы были искать редчайшие сокровища по всему свету, умоляя его хотя бы подольше пожить.

Вот это да... Он украл чужую возможность.

Ой-ёй... Нечаянно присвоил чужой шанс.

Но если мыслить шире, то сожалеть тут не о чем. Если когда-нибудь встретит того самого мастера, просто передаст ему учение! Старший Цинхэ, наверное, только обрадуется, что в его школе появился ещё один ученик?

И ещё вопрос: что это за район красных фонарей в Яньцзине такой – раздатчик возможностей? Он хотел получить одну, а получил две, а в итоге оказалось целых три!

Может, стоит оформить там постоянный VIP-статус?

- Или вообще купить участок и открыть своё заведение?

Почему бы и нет... Вот только он ещё мал, и хотя денег у него хватает, скрыть это от отца будет сложно. К тому же, раз уж он смог попасть в наследуемый мир, значит, его корни и кости неплохи? Тогда, скорее всего, ему предстоит отправиться в мир духовного совершенствования.

Ладно, потом разберусь. Слишком уж муторно.

Судя по богатому опыту Цю Ибо в мобильных играх, он подозревал, что «пул возможностей» в районе красных фонарей уже исчерпан, и дальше пытаться что-то вытянуть – бесполезно.

Полог приподняли, и Цю Линьхуай, увидев, что Цю Ибо уже проснулся, слегка удивился, затем мягко улыбнулся. Он сел на край кровати, взял руку мальчика, чтобы проверить пульс, и спросил:

- Бо'Эр, ты проснулся? Ничего не болит?

Увидев отца, Цю Ибо тоже расплылся в улыбке:

- Ничего не болит, батюшка.

- После того, как вас с теми двумя дедушками утащили, я встретил ещё одного. Он сказал, что хочет научить меня какому-то искусству создания артефактов. – Тут Цю Ибо нахмурился и потянул отца за руку, чтобы тот потрогал его мочку уха. – Батюшка, ухо болит.

Цю Линьхуай отодвинул волосы сына и внимательно осмотрел маленькую мочку, на которой теперь красовалась серёжка с бирюзой. Камень был небольшим, но прозрачным и чистым, с мягким, но насыщенным цветом – редкий экземпляр.

В глазах отца мелькнуло понимание:

- Бо'Эр, правда болит?

Цю Ибо моргнул:

- В тот момент было больно, а сейчас уже нет.

Он сказал про боль, чтобы отец обратил внимание на новое украшение, а не потому, что до сих пор испытывал дискомфорт. В конце концов, это просто прокол уха – разве может так сильно болеть? Скрывать от отца он и не думал – зачем? Ничего запретного тут не было. Он кратко изложил суть происшедшего, включая историю о мести после достижения уровня Хэдао.

- ...Тот дедушка воткнул мне это, а потом впихнул что-то прямо в голову... Вроде как книгу, но я её открыть не могу, не вижу, что внутри.

Он сосредоточился и почувствовал нечто странное – будто в мозгу появился компьютер, но при попытке включить его выдавало ошибку пароля. А насчёт серёжки... Стоп.

В руке Цю Ибо материализовался камень размером с кулак младенца:

- ...Батюшка?

Цю Линьхуай улыбнулся и погладил его по голове:

- Ничего страшного, не бойся. Эта серёжка – превращённое хранилище того старца. Там, наверное, есть и другие вещи, но тебе они пока не нужны, так что не трогай.

Рука отца скользнула вниз, коснувшись уха:

- Я временно заблокирую его. Когда вступишь на путь, тогда и разблокируем...

Тут Цю Линьхуай запнулся, достал горсть разноцветных белых камней и тоже сунул их в хранилище:

- Ладно, не буду блокировать. Считаю это своим кошельком. Эти духовные камни пока побереги. Если что-то случится, пригодятся.

Цю Ибо поспешно кивнул:

- Хорошо, батюшка.

- И ещё: это учение держи в тайне. Кроме меня и твоего третьего дяди, никому не говори. Особенно про того старца из «Дома призраков» – ни полслова.

- Не скажу, – пообещал Цю Ибо.

Только тогда Цю Линьхуай удовлетворённо кивнул:

- Раз ничего не болит, вставай. Пойдешь к третьему дяде проверять корни.

Цю Ибо, держась за руку отца, поднялся с кровати, нашёл свою одежду и начал одеваться. Вдруг он осознал нечто странное и резко обернулся к Цю Линьхуаю, всё ещё сидевшему на краю постели.

Сегодня отец казался каким-то... неосязаемым, будто вот-вот растворится в воздухе:

- Батюшка, вы какой-то странный.

- Угу. Иди сам, - Цю Линьхуай раскрыл объятия, и Цю Ибо автоматически шагнул в них. - Мне нужно уйти в затворничество. Теперь будешь с третьим дядей. Относись к нему, как ко мне. Ты умный мальчик, не заставляй меня волноваться, понял?

Цю Ибо тут же расплылся в широкой улыбке и крепко обнял отца:

- Понял, понял! Батюшка, вы разве не вернётесь в Линсяо заранее?

- М-м? - Цю Линьхуай приподнял бровь. - Почему ты так решил?

Цю Ибо склонил голову набок, изображая детскую наивность:

- А где вы будете затворничать? Я думал, увижу вас в Линсяо!

Цю Линьхуай задумался. Изначально он планировал уединиться в заранее подготовленной пещере, но после слов сына возвращение в Линсяо показалось неплохой идеей.

После Весеннего пира, вне зависимости от корней, Бо'Эр попадёт в Линсяо. Если он будет затворничать там, то в случае опасности сможет мгновенно прервать уединение и прийти на помощь. А если всё будет хорошо - тем лучше, после выхода он сразу увидит сына.

К тому же, учитель сможет присмотреть за ним.

Цю Линьхуай улыбнулся:

- Да, я вернусь в Линсяо заранее. Возможно, когда ты вступишь в школу, мы сразу встретимся.

- Отлично!

Цю Ибо уткнулся лицом в грудь отца и тайно вздохнул с облегчением. За эти два дня он изображал милоту больше, чем за всю предыдущую жизнь. Невыносимо!

В оригинальном сюжете его отец погиб во время преодоления небесной кары за пределами секты (детали не уточнялись). Теперь, хотя у него появился новый шанс, если место затворничества будет внутри школы - это куда безопаснее.

В конце концов, у него же есть дедушка - сильнейший в мире! Даже если преодоление провалится, раз всё будет под боком, можно успеть вытащить отца с того света.

Батюшка, держись! Главное - не помирай!

Умывшись, Цю Ибо отправился к третьему дяде.

Едва он вошёл в главный зал, как увидел Цю Ланьхэ, направлявшегося туда же. Цю Ибо подошёл и поклонился:

- Дядя Ланьхэ, вы почему здесь? Разве сегодня не заседание?

Цю Ланьхэ тоже был озадачен. Он собирался на службу, но у ворот его остановили и попросили вернуться - мол, прародитель хочет его видеть по важному делу, а на службе ему уже оформили отгул. Пришлось возвращаться, переодеваться в повседневное и идти в главный зал.

Он знал, что сегодня детям будут проверять корни, но там и так хватало старших - зачем

понадобился именно он, обычный чиновник, не самый высокий по статусу и не самый старший по возрасту?

Ну да ладно. Раз прародитель зовёт – надо идти.

Он взял Цю Ибо за руку. По статусу этот малыш тоже был «прародителем», но из-за возраста все давно считали его племянником.

- Я и сам не знаю. Прародитель вызвал меня – наверное, что-то важное.

- Бо'Эр, тебе проверять корни? – Если кто и знал детали, то этот малыш.

Цю Ибо почувствовал необъяснимый холодок вдоль спины, но подавил его:

- Да, батюшка велел прийти. Может, вам сначала зайти?

Тон намекал: взрослые пусть разбираются со своими делами, а он подождёт.

- Не стоит. Сюй и другие, наверное, уже там. Пошли.

«Сюй» – это Цю Сюйли, один из товарищей Цю Ибо по домашней школе.

Детей в возрасте от шести до шестнадцати лет в семье насчитывалось около тридцати, и для них организовали три класса. Среди них Цю Ибо был самым младшим. Сегодня у него день рождения, а значит, все его ровесники уже достигли возраста проверки корней.

Когда они вошли, зал действительно был полон и шумел, как рынок. Увидев их, некоторые тихо поздоровались с Цю Ланьхэ, другие потянули Цю Ибо к себе, но все вели себя прилично – прародитель вот-вот придёт, и распускать нервы никто не смел.

Цю Ланьхэ всегда любил этих детей и отвечал каждому. Цю Ибо же присоединился к своим приятелям.

Через некоторое время раздались три удара в деревянные колотушки, слуги быстро убрали со столов остатки чая и фруктов, и все замолчали, не смея больше сидеть. Выстроившись по старшинству, они опустили глаза, ожидая прародителя.

Цю Ланьхэ стоял во главе, особенно выделяясь среди детей.

Послышались шаги. Цю Ибо украдкой поднял взгляд и увидел, как Цю Линьюй подмигнул ему, уголки губ приподнявшись в улыбке. Мальчик поспешно опустил голову, делая вид, что они незнакомы.

Цю Линьюй скривился, затем вновь принял ледяное выражение лица.

За ним шли двое, неся подносы с чем-то, напоминающим игрушки.

Заняв место во главе зала, Цю Линьюй кивнул:

- Встаньте.

Все поклонились:

- Приветствуем прародителя!

- Встаньте. Садитесь.

Только все собрались рассаживаться, как прародитель спросил:

- Кто здесь Цю Ланьхэ?

Тот замер, затем повернулся и сложил руки:

- Вы звали меня, прародитель?

Цю Линьюй бросил на него убийственный взгляд. Вот же негодяй, который портит детей!

- Выйди и подожди снаружи. Потом поговорим.

- Как прикажете.

«Подожди снаружи» на самом деле означало «иди постой в углу».

Цю Ибо потирал нос, чувствуя вину. Прости, дядя Ланьхэ, потерпи немного. Потом я всё объясню и заглажу вину.

Удовлетворённый тем, что Цю Ланьхэ покорно удалился, Цю Линьюй смягчил голос:

- Вы, наверное, меня не знаете. Я - Цю Линьюй, ваш прародитель. Сегодня позвал вас, чтобы подарить безделушки, привезённые из путешествий, и познакомиться.

- Подходите по старшинству и берите что понравится.

Старший, шестнадцатилетний Цю Или, подошёл первым, подавая пример:

- Ваш внук Цю Или приветствует прародителя.

Поднесли поднос, и Цю Или взял неприметную кисть с нефритовым стержнем.

Цю Линьюй кивнул:

- Хорошо. Виден дух благородного мужа.

Все эти безделушки были тщательно подобраны - всё-таки свои же потомки, нельзя было дарить что попало. Но настоящей целью была не раздача подарков, а два подноса, под которыми прятались «жемчужины Хуньюань».

Эти жемчужины крайне чувствительны: при контакте с человеком, имеющим корни, они реагировали в зависимости от уровня. Обе жемчужины были временно подчинены Цю Линьюю, так что он сразу чувствовал, у кого какие корни.

За короткое время прошло уже пять-шесть человек. Когда подошёл мальчик лет двенадцати, жемчужины среагировали.

- Корни уровня «Сюань».

Неплохо.

Цю Линьюй довольно велел записать его имя для Весеннего пира.

Ещё десяток человек – и у десятилетней девочки обнаружались корни уровня «Ди».

Цю Линьюй не смог сдержать улыбку. Корни «Ди» встречались редко. У него и у старшего брата были именно такие, и их скорость совершенствования уже вызывала зависть.

Вскоре нашлись ещё двое детей с корнями «Сюань», и Цю Линьюй едва не прыгал от радости.

Наконец очередь дошла до Цю Ибо. Тот выбрал самого симпатичного нефритового тигрёнка и улыбнулся:

- Благодарю третьего дядю за подарок.

Цю Линьюй фыркнул, но отпустил его.

Когда раздача закончилась, все стали расходиться. Цю Линьюй оставил Цю Ибо и обнял его:

- Бо'Эр, у тебя корни уровня «Сюань».

Цю Ибо моргнул. «Сюань» – это же здорово! Средний уровень!

Гораздо лучше, чем ожидаемые «Хуан» или вообще отсутствие корней!

- Разве «Сюань» – это плохо? – удивился он. – Всего на уровень ниже, чем у вас с батюшкой! Если немного постараться, может, и не отстану?

Цю Линьюй засмеялся и кивнул, про себя думал:

- Наш Бо'Эр... какой же он безынициативный.

Ожидал, что малыш хотя бы немного расстроится, а он радуется, будто получил «Тянь».

«Немного постараться»...

Цю Линьюй потирал лоб. Старший брат был прав: если сказать, что у него корни «Тянь», этот мелкий тут же перейдёт в режим «есть и пить, пока не сдохнешь».

Ни в коем случае нельзя говорить. Характер надо закалять с детства, нельзя позволить ему стать бездельником!

<http://bllate.org/book/14686/1310260>